

имъ простить никакъ нельзя. Повѣривъ, будто сила Европы въ ея государственности, т. е. пушечной силѣ со всѣми ужасами сопутствующаго ей милитаризма,— они надумали и своего старца нарядить въ доспѣхи воина и дать ему штуцеръ въ руки. Захотѣлось создать новое *Judenstaat*. Вѣдь теперь все лучшее въ Европѣ, да и въ Америкѣ, все думающее сколько-нибудь правдиво и искренно,—все это до глубины души возмущается безумiemъ и ужасомъ этой пучины, куда, очертя голову, летитъ кубаремъ одичалое человѣчество, называемое цивилизованнымъ.

Все свѣтлое, умное и не порабощенное страхомъ и деньгами,—всѣми силами старается образумить людей и напоминать имъ, что вовсе не силой пушечной государственности сильно человѣчество и не въ страсти обособляться и жить въ чуланчикахъ будущее для людей. Истинно передовое, истинно прогрессивное видеть счастье людей какъ разъ въ обратномъ, въ широкомъ единеніи и въ полномъ отсутствіи пушекъ и мортиръ и тѣхъ грушевыхъ соединеній, которыхъ теперь только и держаться силою мортиръ и губятъ этимъ жизнь людей. Противъ обособленной государственности вся разумная работа разумной части человѣчества. А они хотятъ дать жизнь ветшающему старью и называютъ такое дикое стремленіе прогрессомъ.

Это крупный грѣхъ. Это граничить съ хулой на самое святое, что есть теперь въ жизни у насъ.

Не государства намъ новыя нужны, а любящіе люди, видящіе въ любви своей призваніе жизни и служеніе Богу.

Грѣхъ ковать новые мечи и сѣять между людьми вражду и ложь. А называть этихъ кроваво-красныхъ кузнецовъ людьми, служащими прогрессу, двойной грѣхъ.

Еще можетъ быть извиненіе людямъ, живущимъ въ старомъ строѣ и по слабости не умѣющимъ сбросить въ себя это тяжелое иго вооруженнаго общежитія; еще можетъ быть споръ и колебаніе у человѣка,